

1916.

Январь.

РУДИНЪ

№ 4.

Е. П.

Цѣна 20 к. На ст. жел. дор. и въ провинціи 25 к.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ Памяти К. Демулена (стихотв.)	ВСЕВОЛОДЪ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Въ Царскосельскомъ паркѣ (стихотв.)
ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ Ренесансъ (стихотв.)	НИКОЛАЙ ЛАВРОВЪ [. Сила ругательствъ (разсказъ)
М. А. РЕЙСНЕРЪ О нравовъ російскихъ поврежденіи (памфлетъ).	АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВЪ Похоронныя дроги (стихотв.).
Ю. ХИТРОВО „Твоя отъ твоихъ“ (разсказъ)	Л. ХРАПОВИЦКІЙ С. А. Венгеровъ и русская литература (статья)
В. ТРИВУСЪ Старику (стихотв.)	
М. ЛАРИНЪ Дураки (памфлетъ)	

ОБЛОЖКА РАБОТЫ	Е. Праведникова.
КАРРИКАТУРЫ	А. Топикова.
ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ	С. Н. Грузенберга, Е. Праведникова и Л. Н. Пѣтухова.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Ставя своей цѣлью созданіе органа, который-бы клеймилъ бичемъ сатиры, карикатуры и памфлета все безобразіе русской жизни, гдѣ-бы оно ни находилось, редакция „Рудина“ вмѣстѣ съ тѣмъ стремится открыть дорогу молодымъ талантамъ и при ихъ помощи придти къ установленію новыхъ культурныхъ цѣнностей.

Въ виду сказаннаго редакция „Рудина“ обращается къ широкимъ кругамъ русской—особенно провинціальной—публики съ призывомъ помочь редакціи какъ доставленіемъ матеріала (фотографій, рисунковъ и документовъ) о всѣхъ отрицательныхъ явленіяхъ окружающей дѣйствительности такъ и статей, стихотвореній и разсказовъ, которые лишь съ трудомъ могутъ пройти на страницы столичныхъ журналовъ, гонящихся за громкими и общепризнанными именами.

Въ первыхъ трехъ номерахъ журнала помѣщены слѣдующія статьи, разсказы и карикатуры: „Бальмонтъ шаманить“ (статья и карикатура), „Труба іерихона“ (критическій очеркъ и карикатура на В. Г. Тана), „Безстыдникъ“ (памфлетъ съ изображеніемъ П. Б. Струве); разсказы и стихотворенія: Д. Крачковскаго, Б. Садовскаго, Ларисы Рейснеръ, Ю. Хитрово, Р. Власта, В. Злобина и другихъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Альтшулера, Фонтанка 96
1915.

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Памяти Камилла Демулена.

Когда надменная Горá
 На площадяхъ Большого Рынка
 Вѣнчала послѣ поединка
 Побѣдоноснаго Марá—
 И черни бѣшенная лента
 Сжимала трибуналъ Конвента,

Тогда удушливый, какъ мечь,
 Какъ ѣдкій дымъ горящихъ хижинъ,
 Равно прославленъ и униженъ,
 Неся отравленную лестъ,
 Возсталъ, клейменный какъ измѣна
 Безстыдный геній Демулена!

И если иногда клинокъ
 Насытившейся гильотины
 Щадить поруганныя спины
 И трепеть ослабѣвшихъ ногъ—
 Ты, жадный Арлекинъ Позора,
 Отъ жертвы не отводишь взора!

О, эта злоба долгихъ лѣтъ,
 И смѣхъ, пронзительнѣе стона!
 Ты—гнѣвъ толпы, ты—ножь Дантона
 На плаху брошенный памфлетъ,
 Скрѣпившій мудрость приговора
 Руками палача и вора.

Когда все ближе дальній зовъ,
 И грязь вѣковъ—отъ слезъ намокла,
 Ты первый вышибаешь стекла
 Еще не тронутыхъ дворцовъ.
 И какъ непоправимо—точенъ
 Размахъ убійственныхъ пощечинъ!

С. Г. Грузенбергъ.

ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ.

Ренессансъ.

Какъ могъ онъ стать такъ снова безпре-
дѣлень

И всетаки опять необъяснимъ,
Тотъ гордый духъ, который древній Эллинь
Когда-то бросилъ въ побѣдившій Римъ!

Быть можетъ, онъ, подъ грубымъ иска-
женьемъ,

Подъ тѣснотой готическихъ оковъ,
Уже пылалъ неутолимимъ мщеньемъ
И, не найдя необходимыхъ словъ,

Изъ тѣхъ страницъ, которыя желтѣли
Въ пыли временъ—шепталь намъ, трепеща,
И каждый зналъ, зачѣмъ Макиавелли
Носилъ кинжалъ подъ складками плаща.

А послѣ въ нишахъ умерли святые,
И надоѣлъ средневѣковый постъ,
Тогда Христось съ Антихристомъ впервые
Другъ противъ друга стали во весь ростъ

Но женщины не вѣрили заранѣ,
Чтобъ Сатана безропотно поникъ,
И кружевной, изъ тысячи стараній,
За ихъ плечомъ смѣялся воротникъ.

И во дворцѣ, не знавшемъ о восторгѣ,
На старыхъ креслахъ выткали цвѣты,
И папы, утомленные отъ оргій,
Скучали въ нихъ, безгрѣшны и чисты.

А, между тѣмъ, никѣмъ еще не встрѣченъ,
Трудомъ кистей,—подъ ищущимъ рѣзцомъ
Далекій Богъ сталъ нѣжно—человѣченъ
И челоуѣкъ очнулся божествомъ.

НРАВОВЪ РОССІЙСКИХЪ ПОВРЕЖДЕНІИ

Философы утверждаютъ, будто чувства совѣсти и правды столь-же челоуѣку свойственны, сколь голодъ, жажда или любовное устремленіе.

Премного въ семь сомнѣваюсь.

Ибо существуютъ націи, которыя хотъ пищу вкушаютъ и воду пьютъ, даже изобилуютъ потовствомъ, но нравственности въ себѣ не являютъ.

Мы говоримъ здѣсь, всеконечно, не о канибалахъ, челоуѣческое мясо потребляющихъ, но о народностяхъ просвѣщенныхъ.

Явный и достаточный поводъ къ сомнѣнію нашему почерпаю я въ жизни и дѣятельности гражданъ Россійскихъ, въ великую имперію объединенныхъ.

Страна сія во истину изумительна.

Но разскажу, что самъ наблюдалъ и своими глазами видѣлъ.

Дѣло было въ столѣтіи двадцатомъ послѣ Рождества Христова, въ самомъ началѣ сего многознаменательнаго вѣка.

Жилъ я одно лѣто среди мирныхъ поселянъ полтавскихъ, въ просторѣчій хохлами именуемыхъ. И примѣчательный мнѣ пришлось наблюдать обычай.

Какъ только наступалъ вечеръ, поселяне укладывались у дверей своихъ хижинъ и у вратъ садовъ съ фузіями и пистолетами въ рукахъ для обезреженія имущества.

Вотъ, такъ возомнилъ я, гдѣ истинное собственности почитаніе, гдѣ существенная оной охрана!

И что-же, пострѣлявъ малую толику въ зефиры и бореи, поселяне, отложивъ вооруженіе свое,

каждый немедля взлѣзъ на заборъ ближняго и тамъ у сосѣда занялся хищеніемъ плодовъ и хлѣбовъ!

Каждый обворовывалъ другъ друга, и всѣ каждаго!

Сія мораль заставила меня весьма поразмыслить. Однако-же корня оной такъ я и не доискался.

Встрѣча и знакомство съ юными питомцами музъ, студіозами и курсопосѣтительницами, дало мнѣ опытъ еще болѣе куріозный.

Будучи адептами учений сдобверзивныхъ, сіи молодые люди до такой степени были привержены возмутительнымъ правиламъ своимъ, что даже предъ покупкой сапогъ и амурной деклараціей каждочастно вопрошали себя, въ точности ли сіе съ ученіемъ лжеучителя согласуется?

Какимъ упорствомъ сихъ мятежниковъ немало бывъ смущенъ, вмѣстѣ съ симъ предъ силою духа оныхъ преклонился. Не спартиаты-ли, не Гракхили новаго времени мнѣ удивить міръ геройствомъ ниспроверженія?

Но скоро я отложилъ чаяніе необоснованное. И сему были причины.

Среди ниспровергателей многихъ примѣтилъ я

соглядатаевъ и мушаровъ, шпиками поносимыхъ. Однако-же мало чѣмъ отъ шпиковъ отличались мои герои въ моральности своей. Посему шпиковъ и не замѣчали.

И тѣ и овые турецкимъ, а такъже собачьимъ бракомъ сочетались, лицедѣйствомъ и надуватель-

Поселяне сіи сосѣдямъ въ сборѣ плодовъ посильную помощь оказываютъ.

ствомъ спасались, правила-же чести и правдивости замѣстили обыкновеніями отцовъ іезуитовъ и наставленіями Макіавелліевыми.

Именуютъ сію новую мораль: „пріемы тактическіе“.

Характерный по сему поводу припоминаю случай.

Бывъ озлоблены на одного профессора, къ ихъ ученію прилежавшаго, но нѣкую гнусность содѣявшаго, студіозы и подруги оныхъ встрѣтили его въ аудиторіумѣ свистками и плесками вмѣстѣ.

На вопросъ, почему сіе двойственное привѣтствіе, отвѣтствовали ничтоже сумняся:

„Свищемъ подлецу, рукоплещемъ социалисту.“

Возможно-ли при нравахъ сихъ не токмо спастись отечество, но сохранить отличіе отъ животныхъ хрюкающихъ и въ навозѣ пребываніе имѣющихъ?

Великая война года тысяча девятьсотъ четырнадцатаго объявила еще превосходнѣе моральность сей націи.

И поколику воинство и простые люди за царя и отечество не щадя животь своей полагали и при взятіи многихъ фортецій и одержаніи многочисленныхъ викторій еще лишній разъ славу россовъ утвердили, потюлико среди купечества, господъ и гражданства не мало было нравамъ ущерба.

Сему слѣдуютъ экземпляи. Примомно, многіе граждане, позабывъ честь и совѣсть, безстыдному предались грабежу и лихоиманію. И столь грозную оныя злодѣи силу взяли, что губернаторы, городовыя управы и сами министры принуждены были ради спасенія отечества лихоимцовъ и добытчиковъ хабарою смазывать.

Наука и художество вольныхъ процвѣтаніе.

До сего предѣла еще ни одна держава не доходила.

Секундо. Нашлись смутьяны, кои во время великаго ратоборства не постыдились черной хулою запятнать всѣхъ, кто справедливо требоваль единенія не токмо во оружіи, но и въ правдѣ, не для одного литья пуль и пушекъ, но чтобы въ доблести, правомъ содружествѣ и законномъ преобразованіи поставить врагу преграду неодолимую.

Измѣнѣ сія вина подобна.

Тертію. Отмѣнно дѣйствовали и вольтерьянцы россійскіе, штатскими кадетами почитаемые не столь за юность лѣтъ, сколь за легкость мыслей. Сии разумники сначала вельми духомъ взыграли, такъ-какъ въ невинности своей полагали, что въ

награждение за подвигъ ратный падеть на нихъ съ облакъ отмѣна управы благочинія.

Однако въ скорости омрачились, ибо никакихъ ауспицій въ указанномъ духѣ не воспослѣдовало. Но паки утѣшились, когда по немногу человекъ въ министеріи къ сидѣнію и подачѣ секретныхъ мнѣній въ совѣщаніи были призваны. Ставъ вродѣ тайныхъ совѣтниковъ и про парламентумъ забыли.

Такъ ихъ великая дурость и пройдошество всѣмъ обнаружились.

Нельзя при семъ не замѣтить, что все сіе совершилось во время самыхъ тяжкихъ баталій, которыми развѣ суворовскіе витязи по плечу были! Постыдные люди, постыдныя дѣла!

М. А. Рейснеръ.

Ю. ХИТРОВО.

„ТВОЯ ОТЬ ТВОИХЪ“.

(Изъ воспоминаній поруганнаго дѣтства).

Подошелъ великій постъ, и въ нашу единственную комнату вошли новые элементы. Четверть „гостиннаго“ угла мать отгородила большимъ шкафомъ за которымъ было водружено нѣсколько пустыхъ бочекъ отъ пороха; бочки были тщательно выложены сѣномъ и соломой, сдѣлано подобіе уютныхъ гнѣздъ, а въ нихъ опущены яйца и посажены гусыня, индѣйка, утка и курица. Для насъ, дѣтей, этотъ ковчегъ имѣлъ весьма неприятное слѣдствие: малымъ строго на строго запретили шумѣть и даже громко говорить: яйца легко можно „оглушить“ и къ пасхѣ не будетъ молоденькихъ птенцовъ.

Мой батюшка, желая соотвѣтственно его положенію поддержать престижъ среди молодыхъ писарей, считалъ нужнымъ и важнымъ обильно и хлѣбосольно отпраздновать пасху. Для пополненія этого расхода онъ бралъ сверхсрочную переписку какого-нибудь проекта или смѣты инженера Гери или полковника Сарова.

До 5 ч. вечера обыкновенно отецъ переписывалъ въ управленіи бумаги, а пообедавъ и хорошо выпивъ, ложился отдыхать... Около девяти часовъ вечера наши дѣтскіе тюфяки раскладывались на

полу во всѣхъ направленіяхъ комнаты; три маленькихъ скелета, плотно укрывшись, съ головой уходили подъ одѣяла... Тогда отецъ вставалъ... Планы и проэскты покрывали весь столъ, и онъ писалъ, писалъ до полной усталости.

Очевидно, когда родился мой батюшка, двѣнадцать фей окружили и его колыбель, но старшая и, почему-то, по всѣмъ сказаніямъ „злая“ фея успѣла побѣдить своихъ добрыхъ и добродѣтельныхъ сестеръ; она сунула подъ лохмотья новорожденнаго транспарантъ и чернильницу... Судьба свято исполнила волю феи: въ паспортѣ батюшки была точно обозначена его служебная карьера: „отставной старшій писарь“. За его рѣдко красивый почеркъ онъ былъ оставленъ „по вольному найму“ при инженерномъ управленіи, гдѣ состоялъ на роляхъ переписчика бумагъ, идущихъ исключительно на Высочайшее имя, и за это искусство получалъ вознагражденіе въ размѣрѣ 15 р. ежемесячно...

Поздно ночью, просыпаясь отъ выкриковъ сидящихъ въ бочкахъ птицъ, я видѣла фигуру отца напряженно согнутую надъ черновикомъ, гдѣ инженеръ своимъ барски неразборчивымъ почеркомъ

вывелъ столбцы завѣдомо воровскихъ цѣнъ на постройку того или иного форта...

Съ пятой недѣли поста я и сестра Алѣнка ожидали: мать уѣзжала въ ближайшій городокъ покупать матерію для платьевъ, въ которыхъ мы будемъ причащаться.

Въ нашей солдатской и писарской семьѣ была традиція: всей семьей говѣть на седьмой недѣлѣ, причащаться въ чистый четвергъ... Отецъ требовалъ, чтобъ дѣти подходили къ причастію съ необычайной торжественностью, которую формулировалъ матери такъ: „пустъ дѣвочки сіяютъ какъ жаръ-птицы“.

Капризъ отца небо удовлетворило: на соседнемъ полигонѣ № 2 жилъ военный писарь, Самсоновъ, его дочь, Маша, училась въ Варшавѣ кройкѣ и шитью; закончила образованіе у жены инженера Красильникова, французенки по происхожденію, женщины съ большимъ вкусомъ и большой деньгой... У этой лѣвицы Маша прожила три года домашней швеей..

Самсоновы относились къ нашей семьѣ нѣсколько презрительно: и Варшава и домъ генеральши Красильниковой и вѣчно пьяный modus moихъ родителей не мало этому способствовали...

Матушка твердо помнила о днѣ причастія; и, начиная съ весны до поздней осени, босыя ноги одной изъ насъ мелькали къ полигону № 2 съ маленькими, но любезными дарами: то фунтикъ свѣже сбитаго масла, то тарелка малины, то молодые огурцы приносились Машѣ. Добрая дѣвушка ласково брала эту мелочь, никогда не забывая опустить пару леденцовъ въ жадную ладонь посла.

Но когда наступалъ великій постъ, мать увѣренно направлялась къ Самсоновымъ и тамъ получала детальныя инструкціи: какой метеріи купить на платьѣ Алєнкѣ, какой мнѣ, какія ленты, какія кружева!

За время примѣрокъ часто и подолгу Маша стояла передъ нами на колѣняхъ и, давая полную свободу своей художественной фантазіи, вырѣзывала изъ бумаги и накалывала какіе то чудные воротники, кушаки, оборки...

Мы съ сестрой доходили до экстаза въ обожаніи этой швей-феи, ежегодно вносившей въ поруганную жизнь двухъ дѣвочекъ яркія пятна, сочетанія прелестныхъ складокъ и красивыхъ линій на нашихъ битыхъ, но стройныхъ спинахъ...

Мать, къ счастью, безъ разговоровъ подчинялась всѣмъ требованіямъ Маши, и поэтому наши платья выходили, право, необыкновенными...

Не разъ впоследствии, выбирая костюмы для своихъ дѣвочекъ въ Парижѣ, я ловила на себѣ удивленно недовольный взоръ продавщицы: „чего же madame желаетъ еще!“... А мои глаза искали на Олимпѣ модъ чегонибудь того, далекаго и прекраснаго, что дѣлали намъ съ Алєнкой талантливыя пальчики Маши.

Милая швея, какъ много сіяющихъ минутъ ты дала намъ, и какъ тепло вспоминаю я тебя, давно отошедшую отъ блага портняжнаго стола, выкройки и ножницъ—прямо въ могилу...

II.

Съ великаго понедѣльника начиналась неприятная для богатыхъ, но незамѣтная для бѣдныхъ дезинфекція нашей квартиры и ея угловъ.

За окна выливались мыльно-черные потоки воды, а съ ними и всѣ бациллы смерти, такъ богато осѣвшія на стѣнахъ нашего дома. Мать забывала „огненную влагу“ и вся была заполнена же-

ланіемъ снять длинныя и сѣрыя лохмотья зимы съ потолка, печки и оконъ... Наши матрасы и одѣяла брали безконечную солнечную ванну, свѣсившись по обѣ стороны забора... А возлѣ бѣгали желтыя пушинки птичьихъ ребятъ, и на эти крошечные комочки матушка глядѣла, мягко поблескивая глазами...

Дѣти съ отцомъ начинали говѣть... Утромъ и вечеромъ мы ходили въ церковь, готовясь къ причастію ..

Насколько служба и покаянные слова священника имѣли на насъ вліяніе,—отчетливо рисуется мнѣ моя грустная память: въ великую среду я примѣтила на столѣ двугривенный и стащила его... Подумавай, опустила въ сапогъ...

Весь день пробѣгала я съ серебромъ на подошвѣ, а когда настало время идти исповѣдываться, отданъ былъ приказъ матерью чистить сапоги и полоскать ротъ: первое требовалось во имя красоты, второе—для священника: подъ эпитрахилью иначе будетъ слишкомъ острый запахъ селѣдки и лука...

Совершенно забывъ о своемъ грѣхѣ, я сѣла на деревянной скамеечкѣ у ногъ матери, сняла одинъ сапогъ съ ноги и, старательно намазавъ ваксой, крѣпко терла щеткой—онъ заалѣлъ и восхитилъ меня... Мать своей черной ладонью погладила мою голову. Снимая второй сапогъ я искренно растерялась: что-то зазвенѣло и покатилося по полу: мать нагнулась—въ ея пальцахъ я увидѣла свой позоръ.

Избитая и заплаканная я бѣжала рядомъ съ Алѣнкой въ церковь. Сестра крѣпко держала меня за руку, и цвѣты ея души благоухали мнѣ:

„Не плачь, когда она пошлетъ меня за водкой у краду 20 к. и дамъ тебѣ... А ты купи себѣ булокъ или маковниковъ—что хочешь, на эти деньги все можно купить!“

Вечерня шла скорбно монотонно... Я механически крестилась, становилась на колѣни, и все поглядывала на мѣсто съ коврикомъ, около праваго клироса... Тамъ обыкновенно стояла семья крѣпостнаго коменданта Маковского—предметъ моего дѣтскаго романтизма и грезъ. Вся семья ихъ рисовалась мнѣ добрыми, а главное благодарными и великодушными. Генеральша была очень красива, вѣроятно, на ея лицѣ были уже слѣды того скорбнаго пути мысли, по которому она пошла впоследствии, иначе я не могу объяснить, почему ея лицо на всю жизнь осталось для меня мѣриломъ прекраснаго...

Комендантъ привлекалъ меня только яркими лампасами... Около моей красавицы стоялъ высокій черный мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ...

Линія крестящейся руки, полоска блага воротника, весь его силуэтъ заставляли меня краснѣть отъ воспоминанія объ украденныхъ деньгахъ...

„Но онъ никогда не узнаетъ, что я воровка!“ Такъ защищалась моя подавленная середина послѣдней воровской аргументаціей...

III.

Врядъ-ли принцесса, надѣвъ коронаціонную мантию, испытывала то счастье и полноту, которыя водворились въ моей душѣ, когда я направлялась въ четвергъ утромъ въ церковь:

Крылья неосознанной побѣды несли меня къ коврику около праваго клироса!

Только одинъ разъ въ году мы съ Алѣнкой какъ благородныя и равныя стояли среди настоящихъ дамъ въ балльныхъ бѣлыхъ туалетахъ! А на насъ самихъ были платья—лепестки цвѣтовъ!

Только у отца под мышкой виднѣлся какой-то длинный предмет, неопратно завернутый въ рваную газетную бумагу, и это пятно чуть-чуть нарушало нарядность моего духа.

Между рядами уставшихъ причастниковъ прошла нервная волна ожиданія...

Дьячки, пѣвчіе и вся церковь, наполненная молящимися замерли..!

Шумно раздвинулась завѣса царскихъ вратъ, и маленькій священникъ, тихо ступая, появился!

„Твоя отъ твоихъ Тебѣ приносяща о всѣхъ и за вся!“

И чаша, наполненная Кровью и Тѣломъ, высоко поднималась осѣняя насъ.

Пригнувшись, я снизу вверхъ любопытно косила глаза, стараясь уловить выраженіе склоненныхъ лицъ. Непонятныя слова священника встревожили меня...

Человѣческія фигуры рабски прикикли къ землѣ и мало могли объяснить мнѣ смыслъ этихъ загадочныхъ словъ.

Сперва комендантъ съ семьей, а потомъ и весь крѣпостной beau monde причащались, а въ ихъ числѣ и мы съ отцомъ.

На батюшкѣ былъ черный сюртукъ, но не такой, какъ у всѣхъ: а безъ фалдъ, похожій на нынѣшній смокингъ, но сдѣланный крѣпко въ талію...

А съ рукавами произошло что-то странное: или было время, когда у отца руки были короче, или же была нѣлѣпная мода, когда манжеты выглядывали на полъ-аршина впередъ.

Мальчикъ Женя уже причастился и стоялъ на коврикѣ, когда я поднялась выше его, на амвонъ, и несомнѣнно, онъ видѣлъ наконецъ меня, мое платье, мои туфельки, вышитыя бисеромъ.

Чулочки были такія голубыя, что, одѣваясь, я нѣсколько разъ поцѣловала ихъ отъ избытка нѣжности, которая какъ зеленый лугъ обвѣяла меня своимъ ароматомъ съ ранняго утра...

Священникъ протянулъ мнѣ ложечку съ Искуп-

леніемъ преступленій челоѣчества на землѣ и добродушно взглянулъ на меня... О, еслибъ онъ былъ посланникомъ Ряспягаго за насъ, онъ прочелъ бы на моемъ лицѣ мертвое рѣшеніе, принятое въ этотъ моментъ: умереть за счастье и радость комендантскаго Жени!

Затѣмъ случилось что-то срамное и нелѣпное

... Сейчасъ послѣ причастія отецъ шепнулъ намъ:

„Не запивайте этимъ поповскимъ виномъ, идемъ!“ И обогнувъ столикъ, съ котораго псаломщикъ давалъ запивать вино разбавленное водой изъ красиваго золотого ковшика, мы подошли къ прилавку у выхода церкви, гдѣ продавали свѣчи.

Солдатъ подаль отцу неопратный пакетъ въ рваной газетной бумагѣ... Это оказалась бутылка краснаго вина... Дрожащими руками батюшка налилъ немного мнѣ съ Алѣнкой, солдатъ протянулъ намъ по просфорѣ, а отецъ жадно торопясь выпилъ остальное.

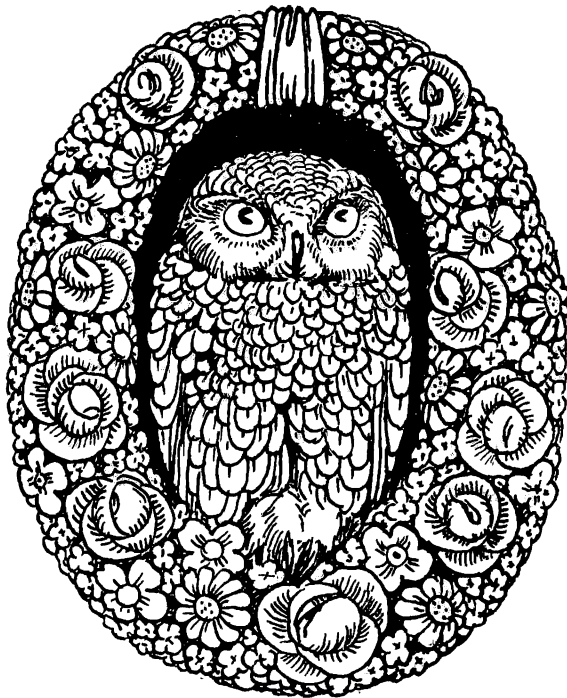
Не знаю, видѣлъ ли кто-нибудь изъ нарядныхъ дамъ эту картину, но я была увѣрена, что Женя видѣлъ... Видѣлъ и смѣялся надъ моимъ отцомъ, натошакъ въ церкви выпившимъ бутылку вина и сразу опьянѣвшимъ...

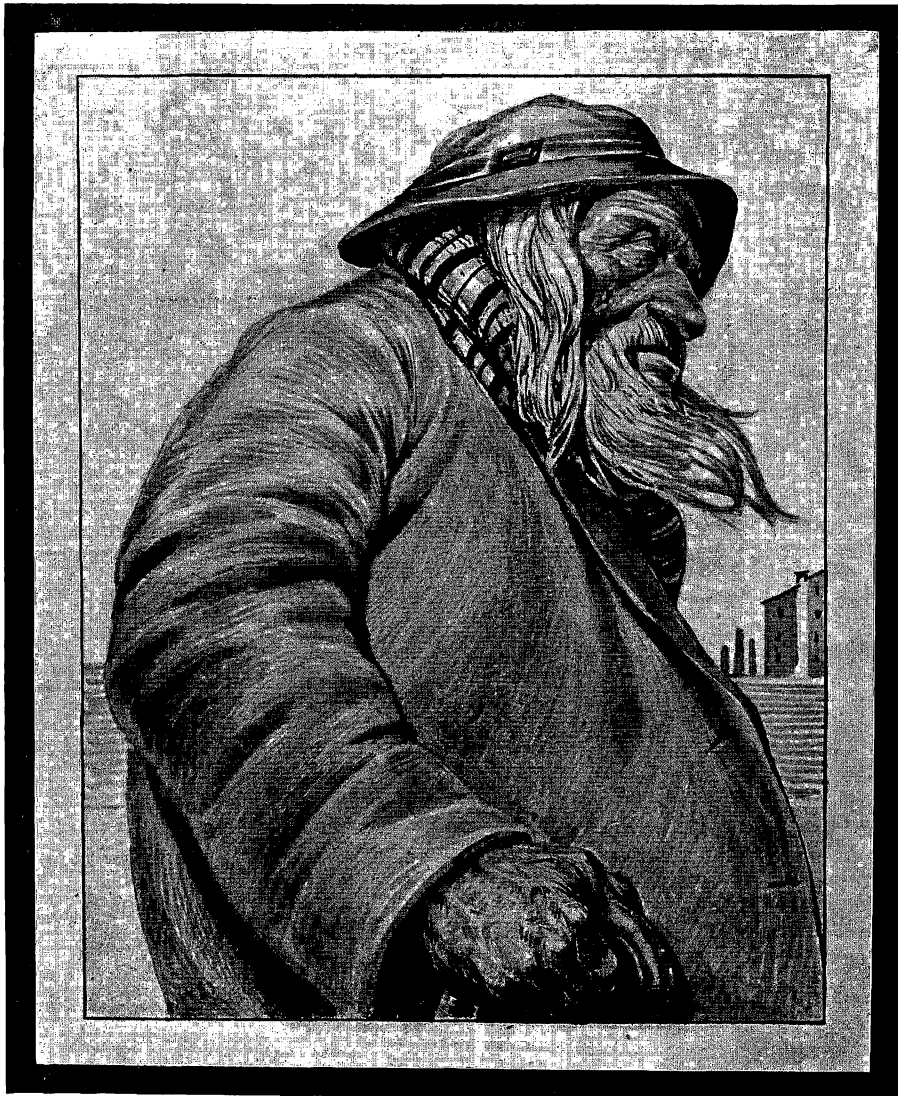
Прошло семь лѣтъ: весна моихъ страданій сговорившись съ солнцемъ, распутившимися почками березъ и Женей, бросили на мою дорогу острый мечъ! Онъ вскрылъ мои вены, кровь брызнула на мостовую и, смѣшавшись съ грязью, тонкой струйкой сбѣжала въ водосточную трубу жизни...

Маленькій священникъ крѣпости Новогеоргиевскъ почему-то выросъ тогда передо мной съ золотой чашею въ рукахъ и, высоко держа ее надъ моей головой, крикнулъ на весь нашъ нищенскій кварталъ:

„Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяща о всѣхъ и за вся!“

Ю. Хитрово.

Е. ПЛЕВАНКОВЪ.

ВИКТОРЪ ТРИВУСЪ.

Старику.

Ты сквозь черно-лиловый дымъ,
 Всегда загадочный и строгий,
 Бредешь по улицамъ пустымъ
 Едва переставляя ноги.

Бредешь настойчиво впередъ.
 Назойливой томимый астмой,
 И на трясущейся животь
 Глядятъ прохожіе безстрастно.

И только вѣчный дождь одинъ
 Тебя ласкаетъ грузной лапой,
 И космы тяжкія сѣдинъ
 Грязнѣютъ подъ намокшей шляпой,

И спутанная борода
 Пронизывается туманомъ ..

Какъ я люблю тебя тогда
 Охвачень восхищеньемъ страннымъ!

Дураки.

Что такое дуракъ?

Прежде всего существо все знающее и непогрѣшимое. Онъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвается. Со вселенной онъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. И въ виду этого все, что случается, было имъ предусмѣтливо и предсказано. Журналы и кинематографы для дураковъ имѣютъ девизъ: я все знаю, все вижу! Je sais tout!

Во-вторыхъ, онъ никогда и ничему не удивляется. Онъ твердо стоитъ на томъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луною, и искренно недоумѣваетъ, когда способность удивляться считаютъ основнымъ признакомъ гениальности. Съ этой стороны дуракъ скептикъ и циникъ. И, какъ кажется, не безъ оснований: ибо дураки никогда не переведутся.

Въ третьихъ дуракъ положительень. Онъ стоитъ на реальной почвѣ и знаетъ, что надо дѣлать. Добро и зло у него въ карманѣ также, какъ истина, красота и справедливость. Что не подходитъ подъ его дурацкій шаблонъ, то или вовсе не существуетъ, или есть безобразіе, подлежащее уничтоженію.

Дуракъ вреденъ какъ существо фантастическое, пошлое и свирѣпое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дуракъ неистребимъ, неумолимъ, неизбѣженъ. Имѣются средства противъ наводненій, пожаровъ, эпидемій. Но отъ глупости никакихъ способовъ спасенія нѣтъ.

И что хуже всего, нѣтъ никакой возможности своевременно запечатлѣть такого вреднаго осла, наложить ему клеймо на мѣдный лобъ: слабоумень безнадежно.

Не помогаютъ здѣсь никакія сита изъ экзаменовъ, письменныхъ и устныхъ испытаній по латыни, геометріи, правовѣднію или всемірной исторіи.

Ибо какъ разъ болваны и кретины исключительно способны къ механической учебѣ, неуко-снительному зубренію и совершенно для нихъ безвредному накачиванію головы разнороднѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ матеріаломъ.

Можно даже сказать, что головы идиотовъ наиболѣе приспособлены къ тому, чтобы наполнить свои защечные мѣшки всѣмъ изобиліемъ ничѣмъ не связанныхъ, ненужныхъ и противорѣчивыхъ знаній, составляющихъ ядро современнаго образованія.

И вотъ дуракъ дипломированъ. Значекъ высшаго учебнаго заведенія, званіе инженера, врача, юриста, педагога. Миръ ему открытъ. Приступай и дѣйствуй.

Говорятъ: дуракамъ счастье. Это невѣрно. Но только истинно глупые люди обладаютъ той рѣшимостью и неуко-снительностью, которая свойственна развѣ героямъ.

Для пустой головы нѣтъ ни препятствій, ни вопросовъ, ни сложности жизни; вѣдь, для него вообще нѣтъ міра, а есть что-то до смѣшного понятное и простое, что въ немъ, дуракъ, никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ.

Предложите умному человѣку улучшить человѣческую породу при помощи обычныхъ приемовъ рациональнаго коннозаводства — онъ задумается, начнетъ высчитывать, да высчитывать.

А кретинъ сразу распорядится: отобрать двуногихъ жеребцовъ и кобылокъ, устроить человѣческой табунъ матокъ, регулировать случку у людей согласно правиламъ нормальной ветеринаріи.

Для такого субъекта нѣтъ невозможнаго. Канцелярскимъ предписаніемъ онъ остановитъ небес-

ную механику, полицейской палкой расколотить обществленную эволюцію, букваремъ изничтожить Галилея и Менделѣева. Готовъ всегда и на все.

Къ этой чертѣ присоединяется другая. Одинъ дуракъ отличается полною неуязвимостью какъ для логики, такъ и для стихій. Доводы, аргументы, факты, доказательства не имѣютъ для него никакой силы. Они отскакиваютъ отъ него какъ горохъ отъ стѣнки. И чѣмъ ученѣе кретинъ, тѣмъ лучше: дескать, эти штуки я видалъ!

А факты, даже бѣдствія, даже горе и слезы людскія, — что до нихъ пустой головѣ, плотно со всѣхъ сторонъ закупоренной отъ „излишнихъ“ впечатлѣній. Онъ рѣшилъ въ своемъ гусиномъ мозгу, что здѣсь не топъ, а проѣзжая дорога и будетъ по ней отправлять на вѣрную гибель тысячи людей, животныхъ и драгоцѣннѣйшіе товары.

Провалилось? Что до того, значить сами виноваты, не шли правильно, а свернули съ дороги. Шли-бы правильно съ кочки на кочку, держались-бы за пруты и березку, такъ не провалились-бы.

Вы можете бѣситься, кричать, бить отчаянныя головой объ стѣнку — смотреть на васъ безмятежное дурацкое мурло, смотреть и ничего не понимаетъ. А то еще утѣшать начнетъ: бѣдненькіе, и какъ изъ-за вздора мучаются!

А тамъ люди гибнутъ, проваливаются въ черной, холодной грязи. Съ ума сойти можно.

Хуже всего, когда въ пустой головѣ заведется одна, двѣ идеи. Онѣ получаютъ тогда почти трагическое значеніе. Нѣтъ ничего страшнѣе дурака съ идеей, принципомъ или загвоздкой.

Ибо вымороченная мысль, случайно залетѣвшая въ убогое сознаніе, приобретаетъ видъ и значеніе невѣроятное и фантастическое. Она, благодаря отсутствію перспективъ, становится чудовищной.

Съ другой стороны, будучи лишена начала и конца, потерявшая всякій смыслъ, идея превращается въ мертвый лоскутъ, пришитый вверхъ ногами къ дубовому мозгу.

И, подобно навязчивой идеѣ сумасшедшаго, этотъ уродливый обгрызокъ мысли начинаетъ хозяйничать не только надъ самимъ болваномъ, но и надъ подвластнымъ ему міромъ.

Величайшіе злодѣи исторіи, которыхъ прокли-наетъ человѣчество, были только убѣжденными и принципиальными идиотами.

Когда Прокрустъ растягивалъ на знаменитомъ ложѣ людей разнаго роста, отрубалъ слишкомъ длинныя и вытягивалъ слишкомъ короткія ноги, онъ былъ прообразомъ ограниченныхъ людей, слишкомъ точно понимающихъ равенство людей между собою.

Также поступалъ и святой Торквемада, когда сотнями сжигалъ еретиковъ, ибо лишь этимъ путемъ — такъ думалъ онъ въ своемъ скудоуміи, — возможно наиболѣе экономно обезпечить людямъ царство небесное.

Въ этомъ же духѣ работали ученые XVII вѣка и въ полномъ согласіи съ юриспруденціей и уголовнымъ правомъ отправляли на плаху и костеръ безчисленныхъ вѣдьмъ и колдуновъ.

Въ XVIII вѣкѣ какъ разъ отборнѣйшія тупицы исправляли исторію пушками, топоромъ и гильотиной и не замѣтили, какъ залили ея страницы кровью неизмѣримыхъ страданій.

Въ XIX в.... Меттернихи и Аракчеевы, Фридрихи Вильгельмы и Францы-Иосифы, Магницкіе и Толстые—да развѣ это головы, нормальные человѣческіе мозги съ естественнымъ здоровымъ смысломъ? Узколобые, одержимые бредомъ мономаны, жалкіе фанатики, они славны тѣмъ, что при помощи негодяевъ и глупцовъ пробовали заткнуть перстомъ великій потокъ обновленной жизни.

Народъ глупцовъ сохранилъ свое царство и въ XX в. Особенно благословенна этимъ даромъ наша родина. У насъ положительно нѣтъ общественнаго дѣла, которое не было-бы загажено этой публикой.

Первый разрядъ наивные. Эти съ великимъ добродушіемъ выстаиваютъ часами въ хвостахъ у очереди на сахаръ, масло и булки, дѣлаютъ запасы мѣдныхъ пятаковъ и серебряныхъ гривенниковъ, вѣрятъ самымъ дикимъ слухамъ, висятъ на трамвайныхъ подножкахъ и съ блаженнымъ видомъ переносятъ не только всяческое ограбленіе, но и всѣ безсмысленные пинки, которые валяются на нихъ. По невѣденію способны на мерзости величайшія.

Это—рабы по природѣ. Вождѣлнная добыча малыхъ и большихъ мазуриковъ, жуликовъ и подобныхъ имъ артистовъ. Наиболѣе пригодный матеріалъ въ рукахъ разныхъ штукмейстеровъ и огромныхъ дѣлъ мастеровъ. Тогда становятся свирѣпы и наглы. Дѣйствуютъ до тѣхъ поръ, пока вселившіеся въ нихъ бѣсы не бросятъ ихъ на штыки или подъ плети.

Слѣдующіе дубиноголовые. Безсмысленные автоматы-исполнители. Въ администраціи преимущественно на низшихъ роляхъ живодеповъ, скуловоротовъ и зубодробителей. Хороши также въ качествахъ слугителей въ сумасшедшемъ домѣ, мародеровъ на полѣ битвы, вышибалъ въ трактирахъ и палачей въ тюрьмахъ. Идіоты исполнительности.

Эта категория въ жизни общественной получаетъ большое примѣненіе. Но опять таки при соответственномъ руководствѣ. Отсюда и нормальныхъ симбиозъ дубиноголовыхъ съ дѣльцами изъ лицемѣровъ, ханжей, лгуновъ и шарлатановъ. Послѣдніе благодаря искусству вранья умѣютъ поддержи-

вать у дубиноголовыхъ ту святую безмятежность, которая есть основаніе ихъ неукоснительности. Ибо дубиноголовые сомнѣваться не могутъ, иначе гибнутъ.

Третій отдѣлъ—педанты и формалисты. Нѣтъ жизни, которой бы они не убили, нѣтъ мысли, которой бы не извратили, нѣтъ истины, которой бы не изуродовали. Это пошляки, жующіе жвачку изъ красоты, правды и святости, машинки для размѣниванія драгоценностей на ходячія прописи, серьезные и методичные фальсификаторы, искренные фальшивомонетки. Хорошіе выходятъ изъ нихъ прокуроры и адвокаты, журналисты и партійные догматики, и педагоги.

А за ними—крупные авантюристы, гурманы власти, финансовые хищники, которые такъ ловко пользуются идиотизмомъ законниковъ и формалистовъ, тупостью идеологовъ и косностью педантовъ, чтобы прикрыть ими свои махинаціи и аферы. Никогда не забуду, какъ въ одномъ русскомъ министерствѣ во время оно рядомъ съ предприимчивымъ и безсовѣстнымъ карьеристомъ красовался вѣчно за него распинаящійся ученый, но, увы, пренаивный педантъ!

Впрочемъ, иногда тупоуміе само становится силой. И это у одержимыхъ, юродивыхъ, окосѣлыхъ. Они стоятъ на одной ногѣ, вертятся всю жизнь вокругъ одного кола, долбятъ безъ конца по одному и тому же мѣсту. Эти имѣютъ свою идею. Пусть она сводится къ вытягиванію носковъ или мертвой буквѣ, пусть она смѣшна, какъ кольцо въ носу у дикаря, но она объемлетъ ослиную голову какъ безуміе, и много ужаса творитъ окосѣлый вокругъ себя. Изъ этихъ выходятъ диктаторы и полицейскіе деспоты, Робеспьеры и бюрократическіе фантасты, Побѣдоносцевы и Шишковы.

Таковы главнѣйшіе виды отечественнаго слабоумія. Не останавливаемся на мелочахъ и частностихъ. И сказаннаго слышкомъ достаточно. Глупость особенно въ рукахъ Подлости выясняется какъ общественное бѣдствіе. Дураки, кретины, идіоты становятся соціальной угрозой. Прокказа глупости требуетъ самой серьезной борьбы.

Неужели-же умные люди ничего противъ нея придумать не могутъ?

М. Ларинъ.

ВСЕВОЛОДЪ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ.

Въ Царскосельскомъ паркѣ.

Посвящается В. Т.

Бросая къ небу колкій иней
И стряхивая бѣлый хмѣль,
Шагаясь, въ сумракъ мутно-синій
Брела усталая мятель.

Въ полуколыцѣ колоннъ забыта,
Куда тропа еще тиха,
Покорно стыла Афродита,
Раскинувъ снѣжные мѣха.

И мраморная грудь богини
Приподнималась горячо,
Но пчелы сѣверной пустыни
Кололи дѣвичье плечо.

А пѣсни пьянаго Борей,
Взмывая, падали, опять
Ни пощадить ее не смѣя,
Ни сразу сердце разорвать...

И. И. М. К. В.

НИКОЛАЙ ЛАВРОВЪ.

Сила ругательства.

Давно уже профессоръ „Чистаго Разума“, Неугодноли, подмѣтилъ духовную силу, неотразимо дѣйствующую на людей.

Чувство обиды у людей вызывается многоразлично и разными способами.

Раздумывая и наблюдая надъ собою, профессоръ Неугодноли вспомнилъ, какъ ему было обидно, когда его звали по фамиліи.

Ему слышалась насмѣшка въ голосѣ произносившаго, когда было всего лишь удивленіе передъ странной фамиліей; ему было обидно до слезъ, когда кто-нибудь произносилъ это какъ фразу: не угодно ли чаю, не угодно ли радоваться и пр.

Напрасно онъ силился убѣдить себя, что произнесеніе слова еще ничего не значитъ, и для обиды играетъ роль интонація, жестъ и вообще мимика. Потомъ, въ полосѣ совсѣмъ сознательной жизни, онъ не только помирился съ этимъ, но и построилъ свои опыты и научныя изслѣдованія. Все это ему помогло изучить людей и силу дѣйствія на нихъ ругательства.

Выходя однажды изъ богатаго ресторана на Морской, послѣ завтрака, профессоръ Неугодноли встрѣтился съ подросткомъ-дѣвочкой.

— Подайте, Христа ради,—протягивая руку, конючила нищенка, едва поспѣвая за уходившимъ профессоромъ.

Профессоръ прикинулся плохо говорящимъ прусски нѣмцемъ.

— Не понимай,—затягиваясь сигарой, бормоталъ онъ.

Дѣвочка сразу поняла, что онъ не понимаетъ, и развязала языкъ.

— Давай рупь. Чего пялить на меня бѣлки-то, давай рупь, говорятъ.

Неугодноли остановился въ нишѣ воротъ, продолжая дѣлать видъ плохо понимающаго нѣмца.

— Не понимай, твердилъ онъ. Что такой рупь? Теньга хочешь?

— Ну, заладила ворона одно клевать: не помай, не понимай! уу! Чтобъ ты здохъ, нѣмецъ проклятый! Давай! уже злилась она.

Пока Неугодноли разсматривалъ дѣвочку ближе. Это былъ почти ребенокъ лѣтъ 12—13-ти. Лицо

не безъ миловидности не носило еще слѣдовъ позорной профессіи, и порокъ еще не успѣлъ положить своей печати.

— Какой твой работъ? Твой работъ? Што работайтъ? Аберъ работай, одерь нейтъ?—Она давно поняла, о чемъ онъ спрашивалъ, но ей хотѣлось насладиться ругательствами и позабавиться надъ нѣмцемъ, и она начала передразнивать его.

— Работай! Работай,—нѣтъ? Што работаю? Ничего. Понялъ? Тебѣ что за дѣло? Тоже работу спрашиваетъ. Не знаешь, чего работаемъ. Кривымъ ружьемъ изъ-за угла стрѣляемъ.

— Штрѣляйтъ?! Работайтъ, штрѣляйтъ!

— А, да ну-те къ чорту! Давай, што-ль, рупь. Дашь аль нѣтъ? Колбаса изъ печенки.

Замѣтивъ, что ругательства дѣвочку не удовлетворяютъ, онъ подбавилъ:

— Штрѣляйтъ!.. Это, это шуликъ?

— Да жуликъ, что удрать хочешь? Сказала, давай рупь, а то вотъ свисну по мордѣ, гонись тогда за мной, коли скандала хочешь.

Неугодноли еще больше прикинулся непонимающимъ. Дѣвочкѣ стало надоѣдать—не было остроты; и она бросила.

— Дашь, штоли, рупь. Некогда мнѣ съ тобой время провожать.

Неугодноли вынулъ рубль, намѣреваясь положить его въ протянутую руку дѣвочки, какъ въ этотъ моментъ рубль выхватилъ откуда-то появившійся молодой парень лѣтъ 16-ти, явно слѣдившій за ними.

— Господишь, заявилъ онъ: это мой пай, а дѣвченкѣ заплатите послѣ.

— Петька, убирайся. Отдай! Не видишь—нѣмецъ.

И они пропали въ воротахъ.

Неугодноли поспѣшилъ за ними, нагналъ ихъ и выругалъ пс-русски, какъ могъ грубѣе. Не давая имъ опомниться, онъ продолжалъ:

— Ахъ, ты именительный падежъ! Чтобъ тебя разорвало, имя ты существительное. Погоди ты, нарицательный!

— А ты, нарѣчіе,—обратился онъ къ ней—я тебѣ покажу, мѣстоименіе ты этакое!

Дѣвочка, не ожидавшая въ нѣмцѣ найти русскаго, была поражена, какъ громомъ, а ея спутникъ, растерявшись отъ неслыханнаго ругательства,

что-то лепеча, вдруг бросился бѣжать. За нимъ послѣдовала и дѣвочка. Оба стрѣлка оставили въ воротахъ профессора, сожалѣвшаго о неудачѣ опыта. Потомъ онъ что-то подумалъ и пошелъ на-нимать извозчика.

— За Невскую Лавру?

— Три рубля!—Лаконично и грубо отвѣтилъ извозчикъ.

— Хорошо.—Согласился Неугодноли, начиная усаживаться въ сани.

Но извозчикъ и не думалъ трогаться.

— Почему ты не ѣдешь?

— Мнѣ надо ѣхать домой. Давно выѣхалъ.

Неугодноли не хотѣлъ сходить и рѣшилъ настаивать на своемъ.

— Поѣдешь?

Минуто извозчикъ соображалъ свою позицію и что-то раздумывалъ, потомъ тронулъ нехотя.

— Не жалѣете ни животное, ни человекъ. Еще господалл.

— Чего хнычешь?! Съѣздить ужъ, какъ видно, на десять цѣлковыхъ, а все мало.

Ударъ пришелся по больному мѣсту и сразу озлобилъ извозчика.

— Вотъ видите!. Какой счетчикъ нашелся. Въ чужомъ карманѣ считаетъ. Онъ повысилъ тонъ. Кричалъ почти на всю улицу.

— На-ко-ся, навязался, сѣлъ. Вези вотъ яво. Заплатить грошъ, а тоже туды-же, разговариваетъ...

Типъ очевидно попался хорошей и общалъ удачу. Не обращающа вниманія на извозчика, профессоръ установилъ себѣ гнусавую ноту и однообразно-сиплымъ голосомъ тихо началъ подпиливать извозчика.

Извозчикъ не все слышалъ, что говорилъ Неугодноли, и далеко не все усваивалъ, но самый тонъ его голоса, не прерывавшійся ни на секунду, раздражалъ его больше всего.

— Ишь, сирота казанская,—скрипѣлъ профессоръ,—ѣсть, лопаютъ чай съ сахаромъ по трактирамъ, какъ быть должно, словно и не война. Ишь, расперло-то. Другіе бѣдствуютъ, а ему все мало. Обжирало...

— Не твое лопаю. Не твое это, а мое дѣло. Свое ѣмъ. Нашелся указчикъ, тоже, приказная шушера; молю поѣденный.

— Совѣсть у васъ пропала: дерете, обираете, денатурать пьете, хуже васъ и человекъ нѣтъ.

— Завелъ пилу. Баба—и та лучше. Какъ муха какая зудитъ. Ну, чего зудитъ. Ну?! Брошу вотъ, не повезу. Што ты сдѣлаешь?

Поѣздить бы самъ-отъ. Посидѣлъ бы на козлахъ-то, да померзъ бы! Ну—такъ тогда не такъ бы заскрипѣлъ. А то скрипъ, скрипъ. И голосъ-то какъ телѣга немая...

— Тпрр, пррр!! Тфу, ты. Чуть не наѣхалъ. Вотъ пассажиръ попался. Куды хуже бабы. Зуу! зуу! — передразнивалъ извозчикъ, прилагая всѣ старанія, чтобы разобидѣть пассажира.

— Совѣсть-то потерялъ, жену сгноилъ...

— Да что брешешь-то?

— Сынъ бросилъ, сбѣжалъ отъ тебя. Самъ на духу сколько годовъ не былъ? Душегубъ!..

Вдругъ извозчикъ осѣлся и сразу замолчалъ. Прошло нѣсколько секундъ пока онъ нашелся.

— Перешибъ ты меня—проговорилъ онъ. Ты чтожъ напраслину зря болтаешь на меня?!

И онъ началъ ругать профессора. Весь лексиконъ дѣйствующихъ и запасныхъ ругательныхъ словъ, которые когда-нибудь имѣлись у него, онъ пустилъ какъ осадныя орудія.

Лошадь едва плелась забытая управленіемъ, а извозчикъ метался, то поворачиваясь задомъ къ сѣдоку и желая игнорировать его, желая не слышать шипящаго голоса, то вновь неудержимо обочиваясь точно затѣмъ, чтобы его ударить.

Но профессоръ весь скрючился, принявъ жалкій видъ въ лицѣ, въ фигурѣ, соответственно голу и своимъ выраженіямъ.

Извозчикъ отъ всего этого приходилъ въ отчаяніе.

Вотъ онъ отвелъ душу въ ругательствахъ, повторилъ нѣкоторыя по два, по три раза, а утѣшеніе не приходило. Даже какъ будто стало хуже на душѣ.

Тотъ же пассажиръ опять такъ же сидѣлъ, не обижался, не ругался, а все зудилъ и зудилъ. Такъ ѣдко, такъ обидно никогда никто ему не говорилъ. Никогда онъ не испытывалъ такой потери силъ, такого ничтожества и униженія.

Бывали случаи, вспомнилъ онъ, какъ ругались, ажно за ушами трещало, и онъ всѣхъ переругивалъ.

— Чтожъ остановился? Усталъ или испугался меня? Или людей стало стыдно? Продолжай!—процѣдилъ опять тихо и скрипуче профессоръ.

— Видно, виноватъ. Видно, жену-то убилъ. Такъ теперъ тебѣ одно названіе—изъявительное наклоніе!!

— Что, что ты? Зачѣмъ проклинаешь. Што ты сказалъ про меня? Добрые люди,—почти со слезами говорилъ уже извозчикъ.—Слышали? Будьте свидѣтелями...

— Ахъ ты, суффиксы! Глаголь ты безсовѣстный! Право глаголь! Самый и есть глаголь.

— Господи!! За что это? Что за пассажиръ такой? Не поѣду. Не повезу больше.—Не переводя духу, извозчикъ задергалъ возжами, а самъ привычно погонялъ лошадь, приговаривая—не поѣду.

Мысли его разошлись. Онъ хватался за все, перебиралъ въ мозгу: чѣмъ бы отмстить, обидѣть, дать отвѣтъ, но въ головѣ было пусто и языкъ не вязалъ. А трехэтажныя слова, всегда вырвавшія его въ тяжелыя минуты, поблѣднѣли и не были годны для языка.

— Нѣтъ, не могу. Болѣ не буду ѣздить, какъ себѣ хочешь,—говорилъ онъ кому то безсвязно.—Бери запряжку. Посылай другихъ. Я не могу.—Потомъ вдругъ вспомнилъ.

— Слѣзай, Богъ съ тобой,—сказалъ совсѣмъ мирно извозчикъ.

— Слѣзай! Нѣтъ, ты вези, коли взялся. Это тебѣ не жену убивать.

— Господи, штожъ это? Постой, господинъ, да ты никакъ рехнувшись! Въдъ жена то моя, Праксovia, она у меня нешто покойница. Да, братецъ ты мой. Штожъ ты это, милый!..

— А, жива, ну и ладно. Такъ поѣзжай.

— Поѣдемъ, и то правда, поѣдемъ, чего стали.

Извозчикъ весь преобразился. Въ немъ явилась радость и онъ произнесъ:

— Ну - те къ Богу... А только не говори ты мнѣ такихъ словъ. И за что ты меня такъ срамишь. Что я тебѣ, господинъ, сдѣлалъ. Кажись, и словомъ то тебя не обидѣлъ. А ты вонъ глаголь на меня говорилъ. Я тебѣ вотъ передъ Богомъ такихъ словъ не говорилъ. И не слыхивалъ я такихъ срамныхъ словъ. Нешто можно такъ человекъ позорить.

— А самъ то меня какъ ругалъ—ужъ забылъ. Какъ матерщинѣль—забылъ? Я все снесъ...

— Ну, да нешто эти слова обидныя. Эхъ, господинъ! Мы это и за обиду не считаемъ. Мы про-

между себя завсегда такъ разговариваемъ. Да безъ матери развѣ кто слушать будетъ. Што кричи, што нѣтъ. Кто этому будетъ обижаться. А ты вона какъ: глаголь, грить. И еще молъ и такой и сякой. Я такихъ ругательствъ не знаю, какъ ты. И откуда ты ихъ выдраль. Ей-же Богу, никогда такихъ не слыхаль. Вѣришь, ай нѣтъ. Больно обидныя.

— А по моему—вставилъ профессоръ—они со всѣмъ не обидныя. Простыя слова.

— Да, это по твоему. А поди ка, что скажеть мировой. Ну-ка, я пожалуюсь? Ты бы не говорилъ ихъ отъ, кабы не обидныя. Такъ-то ся, господинъ.

— Опять же и напраслину взводишь на меня, говоришь—бабу я убилъ. И онъ опять возмущилъ.

— Напраслину ни въ жисть не перенесу. Ни въ жисть.

— А какъ же ты спросилъ съ меня три рубля, когда я садился. По твоему это не напраслина?

— Ну, это, господинъ другое. Это запросъ: хошь—ѣдешь, хошь—нѣтъ. Это не грѣхъ. Хочу—везу, хочу— не везу.

— Значить, драть по твоему не грѣхъ?

— Э, эхъ, какое дранье,—сказаль онъ лукаво. Ты вотъ только больныхъ то, злыхъ словъ не говори... А дери съ меня, какъ хочешь. Эхъ, да вотъ и пріѣхали.

— Ну, сколько же платить то тебѣ?

— Плати ужъ господинъ по совѣсти.

— А по твоей или по моей?

— Плати по своей. Наша, вишь, плохая.

И профессоръ съ извозчикомъ посмѣваясь разстались друзьями.

Николай Лавровъ.

А. М. Бѣтховъ.

АЛЕКСѢЙ МИХАИЛОВЪ.

Похоронныя дроги.

Памяти И. Ф. Анненскаго.

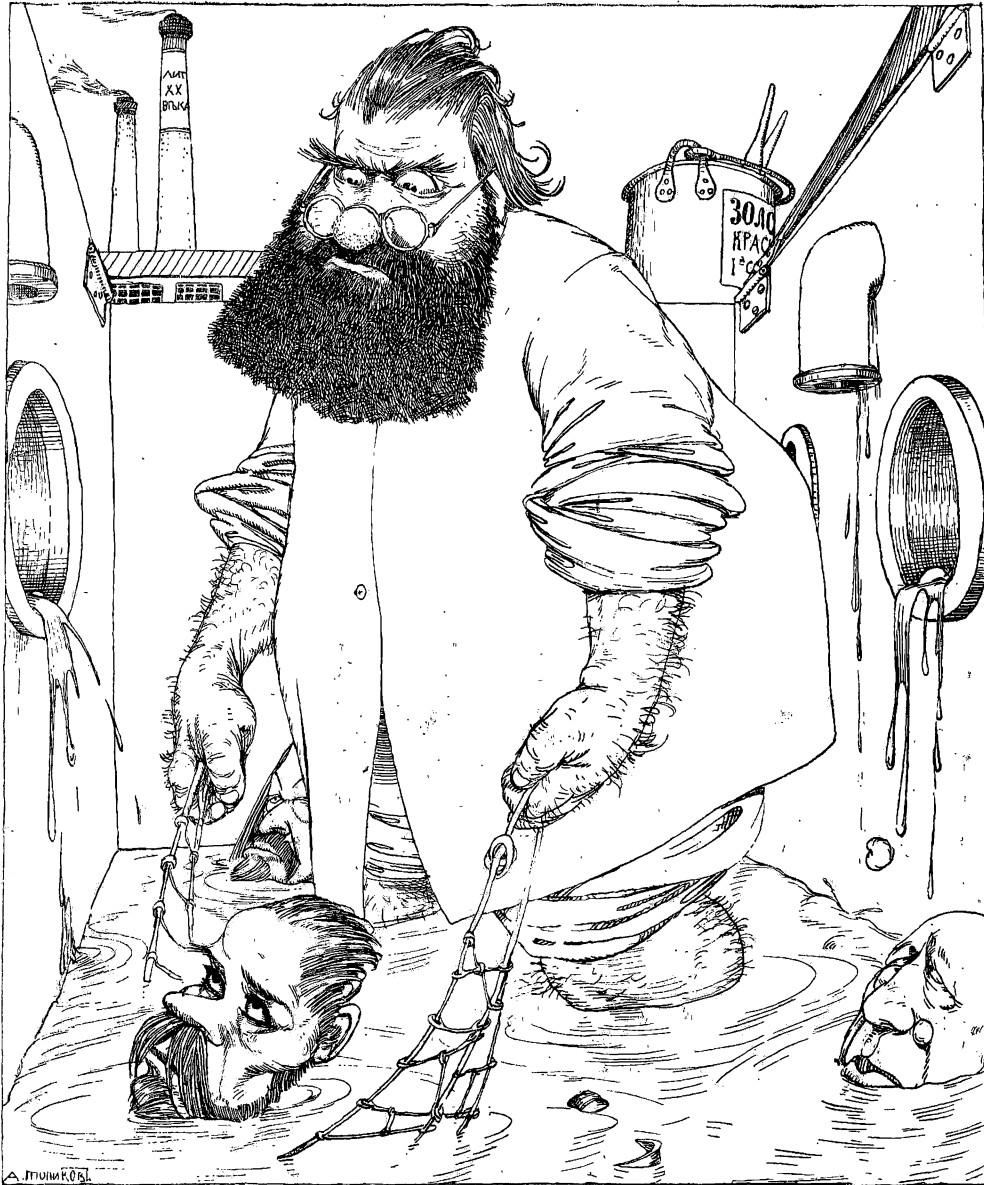
Въ городѣ большомъ, шумномъ,
Среди движенья, тревоги,
Вялымъ пятномъ безумнымъ
Плывутъ бѣлыя дроги.

Блескъ ненадежный, сусальный,
Штопаннй блескъ катафалка.
Факельщикъ, бритый и сальный
Шагаетъ, прямой, какъ палка.

Плачеть кто-то все глуше,
Душой подойдя къ распутью.
Лошадей бѣлыя уши
Пугають суконной жутью.

Люди спѣшати, не видятъ,
Какъ ихъ мечты убоги...
Завтра кого обидятъ
Бѣлыя дроги?

Русская литература двадцатаго вѣка.

Откуда С. А. Венгеро́въ вылавливаетъ подвижниковъ „учительнаго слова“.

Л. ХРАПОВИЦКІЙ.

Семень Афанасьевичъ Венгеро́въ и русская литература.

(Героическій характеръ русской литературы).

Искусство — всегда бурная діалектика, всегда гамма, построенная изъ *противорѣчивыхъ* созвучій, всегда побѣда, разбивающая свое лучшее воплощеніе.

Искусство — высшая и непрерывная жизнь, ожесточенная борьба отрицающихъ другъ друга красокъ, размѣровъ и міропониманій.

Красота не имѣетъ лица — потому что лица ея неисчислимы.

Геній неистощимъ — онъ не повторяется.

Чудо, продолженное и умноженное, только

пошлая фальсификація, привычка лѣниваго сознания, оружіе соціального внушенія.

Не такъ смотритъ на дѣло Семень Афанасьевичъ Венгеро́въ.

Въ своей исторіи литературы онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало помирить враждующихъ поэтовъ, философовъ и публицистовъ, жившихъ на протяжении двухъ съ лишнимъ столѣтій, такъ полно отрицавшихъ и уничтожавшихъ другъ друга, такъ гордо обострившихъ полюсы творческаго исканія.

Всѣ они были люди хорошіе, много страдали,

много любили, умирали одиноко,—отчего бы и не сойтись за дружеской чашкой чая, отчего бы не съять, подъ присмотромъ общаго доброжелателя— „разумное, доброе, вѣчное“.

Сказано—сдѣлано. Пушкинъ дружески подмигиваетъ Писареву, Достоевскій — Тургеневу, Байронизмъ на „ты“ съ славянофильствомъ.

Толстой и Герценъ расплылись въ сладкомъ и туманномъ народолюбіи.

Но какъ-же быть съ тобой, тревожный, яркій двадцатый вѣкъ, какъ сгладить твою холодную чувственность, самобичеваніе изошренныхъ мистиковъ, какъ поставить разсудочнога порнографа и расчетливаго самоубійцу на кафедру „учительнаго“ слова, да еще въ тѣсномъ мундирѣ прекраснодушія, неизмѣннаго пророчества и самопожертванія.

Однако здѣсь, какъ и прежде, маститаго историка спасаетъ полная неразборчивость, крохотный аршинчикъ, которымъ изъ философіи выкраиваютъ „чувства добрыя“, „подвиги интеллигентской души“ и „трогательную стыдливость идеально-прекраснаго“.

Казалось-бы, что дѣлать опустошенному мистичу, погруженному въ садическую тренировку хлыстовства, самоистязанія и кликушества на сладостномъ Афонѣ интеллигентскихъ благодѣтелей.

Однако, съ точки зрѣнія г. Венгерова „важна только жажда подвига, ничѣмъ рациональнымъ не объяснимая, глубоко сидящая въ области безсознательнаго“ и составляющая самый корень „мистицизма“. А потому забыть „грѣхъ ядовитаго пустоцвѣтенія“, и вчерашній „декадентъ“ и „разумный эгоистъ“ произведенъ въ великіе печальники, богоскаты и, конечно, заступники всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Былъ Мережковскій,—а изъ купели всепримиряющаго знанія вышелъ Іона, помазанный лампаднымъ масломъ и общественнымъ благоволеніемъ.

Валерій Брюсовъ,—и онъ воспринять на лоно, смоченъ покаянной слезой и вписанъ въ метрику російскаго геройства подъ слѣдующимъ: „Поэтъ города. Бывшій декадентъ, но по существу классикъ, эклектикъ и обладатель спокойно созерцательнаго писательскаго темперамента. Грѣхи молодости искупилъ прославленіемъ беременности и старательнымъ переводомъ Верхарна“. О томъ, что именно „городскіе“ стихи В. Брюсова чрезвычайно пошло, тяжело и длинно смакують уличную грязь, панельное одиночество и дешевую бульварную горячку, объ этомъ въ литературныхъ четьи-миняхъ ничего не сказано.

Еще легче дается святительство другому отцу „поэтической безотчетности“, г. Бальмонту, который, несмотря на общій безцвѣтный тонъ своей поэзіи, сьумѣлъ откликнуться на „задоръ марксизма“ и „дерзкіе вызывы Горькаго“.

Съ юношеской живостью, едва-ли обычной въ зрѣломъ возрастѣ, этотъ парнасець устремился къ „побѣдоносному солнцу“, „онъ совершенно перестаетъ нить, буйно хочетъ разрушать зданія“, поетъ „жгучія страсти“ и вызовъ „традиціямъ, условности, старымъ формамъ жизни“.

Позвольте, возразить „буржуазная“ логика, гдѣ же художественныя цѣнности, гдѣ разница между

поэтомъ и диллетантомъ, между музыкой и музыкальнымъ нравоученіемъ?

О, близорукая пытливость мѣщанскихъ буденъ! Развѣ не очевидна всѣмъ нелѣпость подобныхъ вопросовъ!

Историку, нагоняющему свой вѣкъ, нѣкогда примѣрять на каждую знаменитую голову заранѣе приготовленные ореолы, одинаково круглые, блестяще и мѣдные.

Чувствовалъ ли душевныя угрызения?

Ниспровергалъ-ли власти предержавшія?

Жертвовалъ-ли на каплю молока бѣднымъ дѣтямъ?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта производство въ чинъ Печалователя и даже Учителя можно считать обезпеченнымъ.

Единственное исключеніе суждено было составить Федору Сологубу.

Но ужъ слишкомъ явственно благоухали цвѣты смерти; тихіе мальчики, странно хихикая и съ полнымъ пренебреженіемъ къ „завѣтамъ героическаго характера“, предавались необычнымъ въ этомъ нѣжномъ возрастѣ развлеченіямъ. И всюду,—на всѣхъ путяхъ эстетическаго непріятія міра, на самой планетѣ Моиръ и въ сказочной странѣ Ой-лэ, распиналось голое, всегда голое женское тѣло!

Однако и здѣсь точка зрѣнія „историческая“ устранила всѣ сомнѣнія. Похоть—всетаки лучше мѣщанскихъ буденъ, инфантильныхъ страсти—приличнѣе буржуазнаго индивидуализма. А потому—зачислить Федора Сологуба членомъ-соревнователемъ „Учительнаго Слова“.

Тотъ-же путь ускореннаго кинопроизводства раздѣлили Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ.

Первый—за бодрый тонъ своихъ повѣствованій и за ратоборство въ области Побѣдоносцевскаго Лихолѣтя, второй—за „преувеличенную филантропію“ и мастерство, которое наполняетъ душу обывателя ужасомъ и „прямымъ безуміемъ“.

Таковъ краткій обзоръ святителей, украсившихъ собой литературный иконостасъ Семена Афанасьевича.

Подобно ему, мы съ чувствомъ глубокаго душевнаго удовольствія взираемъ на этотъ плодъ учености и искусства, въ которомъ сказалась вся сила и вдумчивость славянскаго гения.

Нѣтъ, безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать слѣдующее: несчастной „ломакѣ“, Геддѣ Габлеръ, и „симпатичной“, но всетаки дурной и легкомысленной матери, Норѣ, очень и очень далеко до цѣломудренной стыдливости Валерія Брюсова, до гражданской поэзіи г. Бальмонта. Развѣ „ригоризмъ“, „грубо выражаясь,—эгоизмъ“, какого-то Брандта и Штокмана можетъ сравниться съ ясной душевной чистотой, съ неустанной борьбой за правду-справедливость, какой сплошь да рядомъ поражаетъ насъ извращенская фантазія Ф. Сологуба!

Со своей стороны, авторъ этой скромной замѣтки смѣетъ думать, что не только европейской литературѣ, но и научной критикѣ далеко до шедровъ, вышедшихъ изъ подъ прозорливаго и вдумчиваго пера Семена Афанасьевича Венгерова!

Л. Храповицкій.

Библиографія.

Максимъ Горькій „Лѣтопись“.

М. Горькій—Пимень:
 „Еще одно, послѣднее сказанье—
 „И „Лѣтопись“ окончена моя,
 „Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 „Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 „Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 „И книжному искусству вразумилъ...“